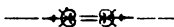

Сочиненія И. С. Аксакова

СЛАВЯНСКІЙ ВОПРОСЪ

1860—1886

ч. 1.

Статьи изъ «Дня», «Москвы», «Москвича» и «Руси».

Рѣчи въ Славянскомъ Комитетѣ въ 1876, 1877 и 1878.

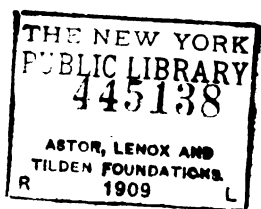

МОСКВА.

Типографія М. Г. Волчанинова (бывш. М. Н. Лаврова и К°).

Леопт. пер., домъ Лаврова.

1886.

WPA
1941

СОДЕРЖАНІЕ.

1. Предисловіе	V — VII
2. Статьи изъ газеты «День»	3 — 87
3. Статьи изъ газеты «Москва»	91 — 178
4. Статьи изъ газеты «Москвичъ»	181 — 210
✓ 5. Рѣчи въ Славянскомъ Комитетѣ	213 — 315
6. Статьи изъ газеты «Русь»	319 — 791

Оговорка.—Когда эта книга почти вся была уже отпечатана, оказалось, что въ нее попала чужая статья, т. е. написанная не И. С. Аксаковымъ. Это именно статья, напечатанная въ отдѣлѣ статей газеты «Москва», на стр. 159—165-й, и принадлежащая Н. П. Гилярову-Платонову, какъ бывшему сотруднику «Москвы». Считаемо необходимымъ оговорить эту прискорбную ошибку.

Предисловіе.

Собраніе сочиненій И. С. Аксакова начинается статьями и рѣчами по Славянскому и вообще Восточному вопросу *). Онѣ поставлены напередъ въ виду современнаго интереса къ восточнымъ дѣламъ, оживившагося послѣ сухой Филиппопольской революціи и послѣдовавшихъ за нею событій, не улегшихся вполнѣ и до сихъ поръ. Несмотря на двадцатипятилѣтній періодъ, истекшій со времени перваго слова, высказаннаго издателемъ «Дня» о славянскомъ значеніи Россіи и налагаемой отсюда на нее обязанности, и до послѣдней статьи издателя «Руси», ни одна строка по восточнымъ дѣламъ не только не потеряла своей современности, но многія, даже изъ самыхъ первыхъ, какъ будто писаны вчера. Если нѣкоторыя предостереженія тогдашняго времени и утратили повидимому свою практическую

*) Книжка Стихотвореній, напечатанная для подписчиковъ „Руси“ въ вознагражденіе за недополученные №№ газеты и надняхъ вышедшая вторымъ изданіемъ, не относится къ настоящему изданію. Въ *Собраніи Сочиненій* стихотворенія найдутъ свое мѣсто; тамъ они будутъ расположены въ хронологическомъ порядкѣ, чего не было соблюдено въ предшествовавшей книжкѣ, съ прибавленіемъ всѣхъ неизданныхъ еще стихотвореній И. С. Аксакова.

примѣнимость, упраздненныя историческими фактами (напримѣръ, что Россія не допуститъ, чтобы Австрія присоединила себѣ Боснію или повелѣвала Сербією), то фактическое опроверженіе служить въ такихъ случаяхъ только разительнѣйшимъ доказательствомъ вѣрности высказанныхъ положеній.

Но важнѣе мѣткости тѣхъ или другихъ частныхъ замѣчаній общая идея, связывающая всѣ статьи и рѣчи: освѣженіе ея въ современномъ сознаніи тѣмъ важнѣе, чѣмъ одностороннѣе судятъ еще о славянофильствѣ многіе. Съ этой точки зрѣнія (и опять не безъ прямой примѣнимости къ настоящему моменту) заслуживаютъ вниманія апологетическія статьи за возставшихъ Бандіотовъ, а равно и сужденія по случаю переворота, совершеннаго Кузою въ Дунайскихъ княжествахъ. Затѣмъ общія сужденія о связи между народностями и вѣрою, о дѣйствіи, оказываемомъ на молодые Балканскіе народы соблазномъ внѣшней цивилизаціи, о неразрывной зависимости, въ которую поставлена историческая жизнь Славянскихъ народовъ отъ Россіи и обратно,—все это не настолько еще вошло въ кругооборотъ общественнаго сознанія, чтобы утратить свою свѣжесть.

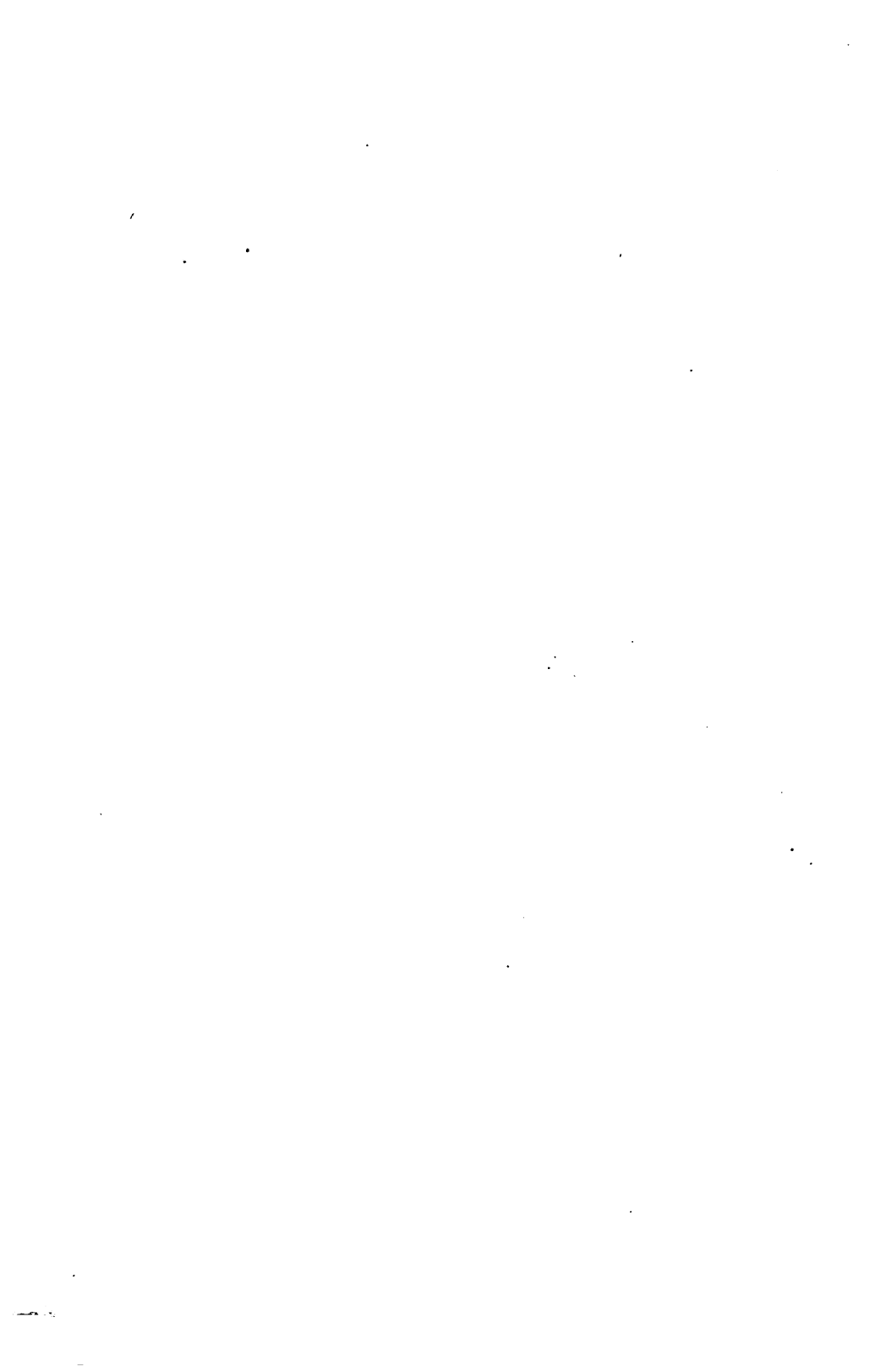
Вышесказанное относится преимущественно къ статьямъ ранняго періода (въ „Днѣ“, „Москвѣ“ и „Москвичѣ“). На статьяхъ „Руси“, равно и на рѣчахъ, произнесенныхъ въ Славянскомъ Комитетѣ, гдѣ Иванъ Сергѣевичъ выступалъ не только публицистомъ, но и дѣятелемъ, не останавливаемся: то и другое въ свѣжей памяти у всѣхъ. Характеръ дѣятеля впрочемъ проходитъ по всему періоду. „День“ уже застаётъ Аксакова секретаремъ того

Комитета, котораго онъ былъ потомъ столь славнымъ предѣдителемъ; сколько намъ извѣстно, самое учрежденіе Славянскаго Комитета состоялось не безъ прямыхъ внушеній Ивана Сергѣевича, съ которыми онъ обращался къ своимъ старшимъ друзьямъ послѣ впечатлѣній и наблюденій, вынесенныхъ имъ изъ путешествія по Славянскимъ землямъ въ 1859 году.

Статьи и рѣчи располагаются въ хронологическомъ порядкѣ. Но ими обнимается не все, писанное и сказанное по Восточному вопросу; помѣщается лишь то, что было уже въ печати. Многія письма очень существенныя по содержанію, нѣкоторыя рѣчи (напримѣръ къ славянскимъ гостямъ во время Этнографическаго Съѣзда), нѣкоторые адреса — могутъ увидѣть свѣтъ только послѣ полного разбора бумагъ, оставшихся отъ издателя „Руси“.

СТАТЬИ ИЗЪ ГАЗЕТЫ „ДЕНЬ“.

1861—1862 г.

(СЛАВЯНСКІЙ ОБЗОРЪ.)

Изъ № 1. Октябрь 1861.

Никто, конечно, не станетъ отрицать то огромное значеніе, которое, въ наше время, выпало на долю общественному мнѣнію въ Европѣ. Оно является не только участникомъ въ разрѣшеніи современныхъ вопросовъ, но и могущественнымъ двигателемъ во всѣхъ сложныхъ отправленіяхъ политическаго и общественнаго организма Западнаго міра. Это сила, съ которою приходится поневолѣ считаться всѣмъ государствамъ, принадлежащимъ къ политической системѣ Европы (не исключая и Турціи),—и не только считаться, но и бороться равнымъ оружіемъ, противопоставляя мысли мысль, знанію знаніе, нравственному началу нравственное же начало самобытно выработанное и крѣпкое всею ясностью сознанія; однимъ словомъ—это та сила, отъ которой не ограждаются ни крѣпостныя стѣны, ни армстронговы пушки, и которая можетъ быть побѣждена только мыслью и словомъ.

(Но на обширномъ и шумномъ полѣ Европейской публицистики одиноко и безоружно стоитъ идея Русской народности. Не имѣя, или имѣя, но мало, достойныхъ представителей, «Русская національность», вмѣсто того, чтобы раскрывать передъ міромъ все богатство своего внутренняго содержанія,—постоянно ищетъ поддержки въ общественномъ мнѣніи Европы, заискивая его благосклонность или чрезъ низкое отреченіе отъ своихъ началъ, или чрезъ смиренное и унизительное безмолвіе. Таковы, по крайней мѣрѣ, общія черты нашихъ прежнихъ отношеній къ Европѣ въ той обла-

сти, которая не ограждалась обаяніемъ или страхомъ внѣшняго могущества Россіи. Наши публицисты за границей, писавшіе по Французски, съ своей стороны не только не способствовали къ разъясненію понятія объ Русской народности, но поражали самихъ иностранцевъ страстностью своего безпристрастія къ родной землѣ и мужествомъ осужденія. Положимъ, эти послѣдніе были искренни и относились къ дѣлу, если иногда и ошибочно, то серьезно, но что сказать о Русской литературѣ и о Русскомъ обществѣ? Кто не знаетъ, что мы ничего такъ не боялись и не боимся, какъ насмѣшки или менторскаго выговора Европейцевъ, что мы, какъ грѣха, стыдимся подозрѣнія къ патріотизмѣ и краснѣемъ, когда иностранцы уличаютъ насъ въ соблюденіи какихъ либо народныхъ обычаевъ и обрядовъ; что мы съ жадностью ловимъ всякую улыбку снисходительнаго благоволенія, всякой, сколько нибудь милостивый отзывъ Западнаго писака и съ восторгомъ перепечатаваемъ данные имъ аттестаты у себя въ газетахъ. Русскіе путешественники за границей не жалѣютъ ни трудовъ, ни денегъ, чтобъ стереть съ себя всякое отличіе, налагаемое на нихъ Русскою народностью, или, если уже ея скрыть нельзя, чтобъ придать ей какую-то чуждую Европейскую щеголеватость, способную снискать намъ одобрительную, наглую, барскую ласку Француза. Тѣмъ не менѣе ложный стыдъ, постоянная несвобода или вѣчная тяжелая забота о томъ, чтобы не провиниться противъ *compte il faut*—накладываютъ на Русскихъ за границей печать такой особенности, что вы ми гомѣзунаете Русскаго путешественника изъ тысячи иностранцевъ.

Къ чему же привели насъ эти отношенія Русскаго общества къ Западу, что выигрывали мы отъ этого, общію расточеннаго и расточаемаго низкопоклонничества, этого добровольнаго рабства, этого колоссальнаго душевнаго холопства?

Не только не погладили насъ по головкѣ, не только похвалы нашему благовіію не дождались мы отъ Европы, но напротивъ, при всякомъ удобномъ случаѣ, Европейцы честятъ насъ именемъ варваровъ и чуть-чуть не людоедовъ. Постоянно не понимаемые, не знаемые, мы, Русскіе, своимъ поведеніемъ еще болѣе обезсиливаемъ свое политическое зна-

ченіе, и общественное мнѣніе Запада является намъ враждебнымъ при всякомъ событіи, гдѣ, силою исторіи, выдвигается впередъ идея Русской народности. На просторѣ и безпрепятственно подвизается противу насъ Европейская публицистика, куетъ оружіе, разглашаетъ клеветы, созидаетъ цѣлыя теоріи, подкашивающія наше нравственное могущество,—а мы молчимъ; съ нашей стороны нѣтъ ни борьбы, ни отпора, наше печатное слово блѣдно и вяло,—и постоянный натискъ духовныхъ враждебныхъ силъ Запада колеблетъ внутри самой Россіи сознаніе нашей силы и нашей правды, ясное разумѣніе нашихъ правъ и обязанностей, опасностей и выгодъ!

И не только Россія, но и весь Славянскій, или вѣрнѣе Православно-Славянскій, міръ раздѣляетъ съ нею ту же участь. Пора догадаться, что благосклонности Запада мы никакого угодливи́остью не купимъ; пора понять, что ненависть, не рѣдко инстинктивная, Запада къ Славянскому Православному міру происходитъ отъ иныхъ, глубоко скрытыхъ причинъ; этѣ причины—антагонизмъ двухъ противоположныхъ духовныхъ просвѣтительныхъ началъ, и зависть дряхлаго міра къ новому, которому принадлежитъ будущность. Пора намъ наконецъ принять вызовъ и смѣло вступить въ бой съ публицистикою Европы, за себя и за нашихъ братьевъ-Славянъ! Но чего же могутъ ожидать отъ Европы Славяне, сохранившіе вѣрность Славянскимъ началамъ, если могущественнѣйшій представитель этого міра, Русское племя, трусливо избѣгая борьбы съ общественнымъ мнѣніемъ Европы, боится водрузить знамя своей духовной самобытности, своей народности, своего историческаго подвига и призванія?

А между тѣмъ никогда такъ сильно и настойчиво не ощущалась потребность живаго, умственнаго и духовнаго отпора со стороны Россіи, какъ въ настоящую минуту. Оставляя въ сторонѣ значеніе этого отпора для самой внутренней жизни Россіи, укажемъ только на наши внѣшнія, международныя отношенія, и именно къ племенамъ Славянскимъ.

Наша сила въ Европѣ—сочувствующій и связанный съ нами родствомъ крови и духа, міръ Славянскій вообще, и міръ Православный въ особенности, выступаетъ теперь на поприще исторіи. Славянъ, свободныхъ отъ чуждаго ига, нѣтъ нигдѣ,

кроме Россіи. Кроме Россіи, вездѣ Славянскую народность гнетутъ или Нѣмцы или Турки. По мѣрѣ возрастанія политическаго могущества Россіи, возрождались въ порабощенныхъ племенахъ: надежда на избавленіе отъ позорнаго ярма и чувство Славянской народности. Освободить изъ-подъ матеріальнаго и духовнаго гнета народы Славянскіе и даровать имъ даръ самостоятельнаго духовнаго, и, пожалуй, политическаго бытія, подъ сѣнію могущественныхъ крылъ Русскаго орла—вотъ историческое призваніе, нравственное право и обязанность Россіи. † Но сознаемъ ли мы и сознаютъ ли Славяне—наше призваніе и наше право? Куда обратятъ свои взоры пробуждающіеся Славянскіе народы? Вопросъ, казалось бы, совершенно излишній, тѣмъ болѣе, что выше мы сами уже указали на это сочувствіе. Но дѣло въ томъ, что сочувствіе поддерживается сочувствіемъ взаимнымъ; дѣло въ томъ, что сочувствіе опиралось до сихъ поръ на естественное чувство Славянскихъ народовъ, не справлявшееся съ дипломатическими лѣтописями и не искушавшееся соблазнами блестящей цивилизаціи Запада. Теперь наступаетъ пора другая. Теперь сочувствіе къ Россіи ищетъ себѣ другой, болѣе разумной основы, и переходя изъ области естественнаго чувства въ область сознанія, подвергаетъ повѣркѣ и оцѣнкѣ нашу собственную вѣрность Славянскимъ началамъ. Мы знаемъ, что такъ называемые интеллигентные, образованные классы у Славянъ Восточныхъ, пораженные невѣжествомъ, равнодушіемъ, молчаніемъ общества и нашей журналистики (объ отдѣльных явленіяхъ говорить нечего), не находя себѣ въ послѣдней никакой опоры, никакого оружія противу лжи, которую въ извѣстной мѣрѣ содержитъ въ себѣ Западное просвѣщеніе,—мало по малу отворачиваются отъ насъ, своихъ старѣйшихъ братій. Безсильные устоять на собственныхъ ногахъ, они хватаются, въ своей слабости, за духовную (въ обширномъ смыслѣ слова) помощь Западныхъ народовъ, исконныхъ враговъ Славянскаго міра. Народныя начала крѣпки не однимъ воплощающимъ ихъ въ себѣ бытомъ, но еще болѣе—яснымъ сознаніемъ. Гдѣ же быть этому сознанію, какъ не въ единоплеменной и единовѣрной Россіи, богатой горькимъ и долготѣннымъ историческимъ опытомъ? Но напрасно стали бы

Славяне домогаться этого сознанія отъ Русской журналистики!

Русская журналистика и Русская публика горячатся изъ всѣхъ силъ по поводу единства Италіи, проливаютъ чуть не рѣчки слезъ умиленія при чтеніи рѣчей *del re galant'* поному, негодуютъ на Боржеса или на Шавоне, какъ на личныхъ своихъ непріятелей, ссорятся и спорятъ изъ-за Чіальдини или Мингетти, отправляются на поклоненіе въ Капреру, — и въ тоже время раздѣляютъ мнѣніе Англійскихъ министровъ о необходимости Англійскаго ига надъ Іоническими островами, ради благосостоянія послѣднихъ; готовы признать Фіуме (Рѣку), Истрію и весь Далматинскій берегъ Италіанскими странами; не на шутку утверждаютъ, что пора забыть племенные вражды въ Турецкой имперіи и примириться съ новымъ способомъ управленія въ Турціи; наконецъ, даже изъясняя сочувствіе, перепечатаываютъ, сами не замѣчая, ложныя и искаженныя извѣстія о дѣлахъ и дѣятеляхъ Славянскихъ. И не мудрено. Спросите по совѣсти большую часть профессоровъ Всеобщей Исторіи въ нашихъ Русскихъ университетахъ — знакома ли имъ исторія, не только прочихъ Славянскихъ племенъ, но и ближайшей къ намъ Польши? Каждый изъ нихъ, какъ добросовѣстный человѣкъ, сознается, что нѣтъ, не знакома вовсе. Да и откуда ему знать! Нѣмцы (кромя Ранке) о томъ не писали; составители учебниковъ всеобщей исторіи мало обращали на то вниманія; для чтенія источниковъ нужно знать языки и имѣть къ тому интересъ, который не былъ ему внушенъ ни Европейскими, ни нашими Русскими прославленными учеными и наставниками! Очевидно, нельзя слишкомъ строго винить и журналистику. Къ тому же, слѣдуетъ, по справедливости, замѣтить, что всего мѣсяца два, какъ состоялось разрѣшеніе получать Славянскія газеты по почтѣ, и то не иначе, какъ черезъ Петербургскую газетную экспедицію *). Съ другой стороны равнодушіе публики также охлаждало ревность многихъ благонамѣренныхъ журналистовъ. Мы здѣсь не говоримъ, конечно, про Русскую Бесѣду: она одна соблюдала постоянную связь съ Славянами, благотворно дѣйствовала на умы образован-

*) См. С.-Петерб. Вѣдом., 1861 г. № 171.